

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ О ЗАДАЧАХ ЭТНОГРАФИИ

© 1994 г., ЭО, № 1

Т. Д. Соловей

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НАДЕЖДИН. У ИСТОКОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

В ряду русских ученых, которым принадлежит заслуга разработки основ научной этнографии, одно из самых почетных мест занимает Н. И. Надеждин (1804—1856), крупный философ, эстетик, критик, имя которого можно встретить практически во всех исследованиях по истории отечественной философии¹. Однако различные стороны его деятельности в литературе освещены весьма неравномерно. Подавляющее большинство работ посвящено анализу философско-эстетических взглядов Надеждина первого периода его духовной жизни — до 1836 г. (включительно), то есть до того переломного момента в его судьбе, когда за публикацию «Философического письма» П. Я. Чаадаева в журнале «Телескоп» Надеждин был сослан в Усть-Сысольск².

После 1836 г. Н. И. Надеждин оставил специальные занятия философией, логикой и эстетикой; его интересы переместились в область этнографии. К сожалению, этнографическая деятельность ученого практически не нашла отражения в литературе, за исключением хорошо известных Примечаний И. П. Савельева³, воспоминаний И. Срезневского⁴, статей о Н. И. Надеждине в справочных изданиях⁵, и, наконец, сочинений А. Н. Пыпина⁶. Однако серьезная попытка концептуального подхода к исследованию личности Н. И. Надеждина сделана только в «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина, где автор книги рассматривает становление этнографических взглядов исследователя и определяет их как «этнографический прагматизм»⁷. Думается, все же, что точку здесь ставить рано и еще многие поколения ученых смогут открыть для себя в сложной проблеме становления отечественной этнологии множество нерешенных вопросов.

Н. И. Надеждин родился 5 октября 1804 г. в селе Нижний Белоомут Зарайского уезда Рязанской губернии в семье дьякона. С января 1815 г. учился в Рязанской духовной семинарии, еще до окончания которой в 1820 г. был переведен в Московскую духовную академию. Незадолго до поступления Н. И. Надеждина в академию была проведена реформа: изъяты схоластические учебники, выписаны произведения Канта, Фихте, Шеллинга; теперь студенты, в том числе и Надеждин, могли пополнить свое образование по эстетике и философии. После окончания академии он два года преподавал в Рязанской духовной семинарии, но в октябре 1826 г. вышел из духовного звания.

Вернувшись из Рязани в Москву Н. И. Надеждин поступил на должность домашнего учителя в семью Ф. В. Самарина, где занимался воспитанием будущего известного славянофила Ю. Ф. Самарина. Жизнь в этом доме способствовала интенсивному самообразованию в области европейской истории.

В 1830 г. Н. И. Надеждин защитил диссертацию «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» и получил степень доктора. В течение 1830—1831 г. он прошел самый сложный конкурс на замещение должности профессора по кафедре изящных искусств и археологии в Московском

университете и был удостоен звания ординарного профессора. В том же 1831 г. он начал читать на кафедре курс теории изящных искусств и курс археологии (так назывался курс истории искусств), а с 1834 г. для студентов 1 курса всех отделений — логику. Годы работы в университете связаны также с изданием журнала «Телескоп» (с приложением «Молва»), сыгравшего роковую роль в его судьбе. В октябре 1835 г. по состоянию здоровья Н. И. Надеждин вынужден был выйти в отставку.

Наряду с собственно философскими и эстетическими проблемами Надеждина всегда занимала философия истории. Примечательно, что его первая крупная статья была исторической⁸. Его концепция философии истории имела важнейшее значение для формирования взглядов ученого на проблему народности. Проблема нации в то время широко обсуждалась представителями философии истории на русской почве. Проблема народности была одной из центральных в русской эстетике XIX в., начиная с 20-х г. Проблемы эти попали и в сферу внимания Н. И. Надеждина и разрабатывались им в двух основных направлениях: в контексте эстетики — как проблема народности искусства, и в контексте истории России — как выяснение специфики отечественной истории. Нацию Надеждин определял как «великое человеческое семейство», объединенное «внутренним духом», в силу чего «раздробленные в многочисленных и многоразличных звеньях» черты «характеристической физиономии» народа «представляют одно полное целое»⁹.

Развивая мысль о том, что народность есть выражение духа народа, «живописание отечественных обычаев и нравов»¹⁰, «народного характера»¹¹, Надеждин оперировал критерием народности в своих оценках литературных произведений, в своей критике литературы, чуждой подлинной народности, литературы подражательной.

Н. И. Надеждин первым поставил вопрос о формировании русской народности и выделил ее исторические пласты. Определив в общих чертах народность как сложение неких народных свойств и особенностей, он вместе с тем затруднялся с их характеристикой. Кроме того, было совершенно ясно, что требование «народности» должно быть предъявлено не одной лишь литературе. Разработка этого понятия применительно к задачам этнографической науки приходится уже на другой период его деятельности.

В 1836 г. «Телескоп» был запрещен, а редактор его был сослан в Усть-Сысольск. Надеждин пробыл в ссылке недолго, только год, но деятельность его возобновилась после этого в совершенно ином направлении. Он оставил литературную и публицистическую критику, забросил эстетику и «археологию искусства». По возвращении из ссылки Надеждин прожил несколько лет на юге России, активно участвуя в деятельности основного тогда «Одесского общества любителей истории и древностей». В 1842 г. прибыл в Петербург, а с 1843 г. стал редактором Журнала министерства внутренних дел и ученым консультантом министерства.

Однако интерес Н. И. Надеждина к научной разработке идей о народности сохранился. Труды его, посвященные этой теме, были обширны и разнообразны. Едва ли не самыми плодотворными в жизни Надеждина по числу написанных и изданных работ были 1836—1838 гг. Еще из Усть-Сысольска он прислал около ста статей для Энциклопедического Лексикона Плюшара. Это были статьи по церковной истории и литературе, по русской и славянской истории, географии и этнографии¹²; в то же время Надеждин напечатал в «Библиотеке для Чтения» несколько крупных исследований историко-этнографического характера¹³.

Особую страницу в биографии ученого составила его деятельность, связанная с Русским Географическим Обществом. Надеждин был в числе тех, кому принадлежала сама мысль об учреждении Общества. Важнейшей стороной деятельности РГО он считал этнографию. С 1848 г. Надеждин возглавил Отделение этнографии РГО и преуспел на этом поприще как никто другой.

По инициативе и при активнейшем участии Надеждина была осуществлена, пожалуй, самая значительная этнографическая акция первой половины и середины XIX столетия. Для правильной постановки дела Отделению этнографии были необходимы сведения и содействие множества лиц из разных краев Российской империи. Надеждин взял на себя составление первой программы, предназначенной для сбора сведений по этнографии. Анкета включала 6 пунктов: 1) относительно наружности; 2) о языке; 3) о домашнем быте; 4) об особенностях общественного быта; 5) об умственных и нравственных способностях и образовании; 6) о народных преданиях и памятниках¹⁴. В объяснительной части, предпосланной к анкетам, в отношении русского населения рекомендовалось собирать сведения о тех «классах населения, в коих народные особенности сохраняются наиболее: таковы в племени Русском: весь так названный простой сельский народ, а также и средние классы горожан: мещане, купцы, разночинцы; одним словом, все те, о которых говорится, что они живут еще попросту, по-Русски!»¹⁵.

Программа в 7 тыс. экземпляров была разослана во все края Российской империи, и вскоре начали поступать местные этнографические описания. Их приток существенно усилился после переработки программы, которая, как оказалось, не для всех была понятна.

В 1850 г. решено было приступить к обнародованию скопившегося материала. В соответствии с проектом Надеждина, сведения об инородцах Российской империи предполагалось издать отдельно. Из описаний, относящихся собственно к русским, издавались только те, которые подробно и полно отвечали на все, или большую часть, пунктов программы. Из остальных, разрозненных сведений, было решено составить систематические своды или сборники. Первый том «Этнографического сборника», содержащий цельные описания, вышел в 1853 г. под редакцией Н. И. Надеждина и К. Д. Кавелина.

Надеждин был убежден в необходимости использовать накопленный этнографический материал для создания нескольких отдельных независимых трудов. Несомненно под влиянием этого убеждения Географическое Общество в феврале 1852 г. приняло решение передать в распоряжение А. Н. Афанасьева собрание народных сказок, которыми последний и воспользовался для своего знаменитого издания¹⁶. Подобным образом и В. И. Даль воспользовался рукописями, поступившими в Отделение этнографии, для своего «Толкового словаря живого великорусского языка». Вообще Н. И. Надеждин принял самое деятельное участие во всех изданиях РГО («Записках», «Известиях», «Вестнике»). С марта 1848 г. в течение 3-х лет он сам редактировал «Известия РГО».

В конце жизни Н. И. Надеждин приступил к обобщающему труду «О русских народных мифах и сагах в применении их к географии и особенно к этнографии русской». Выдержки из этого трактата были прочитаны им на одном из заседаний РГО 30 ноября 1852 г. Доклад, в котором впервые русские сказки стали предметом строгого научного анализа, поразил присутствующих¹⁷. Работа эта в существенной степени предвосхитила появление в России исследований, развивавших идеи немецкой мифологической школы. Это было последнее публичное выступление Н. И. Надеждина. Вскоре он тяжело заболел и уже не поправился.

Подведем некоторые итоги. В отечественной историографии аксиоматичной считалась до недавнего времени точка зрения, что вклад Надеждина в конкретно-этнографическое изучение народов был весьма скромным¹⁸. Очевидно дело заключается в том, что конкретно-этнографическое изучение было связано в творчестве Надеждина с эпизодами, которые сильно испортили репутацию ученого в глазах русского общества и даже, по мнению А. Н. Пыпина, помешали «более широкому влиянию его труда»¹⁹. Речь идет об исследованиях, посвященных русскому расколу, которые были проведены Надеждиным в качестве официального служебного поручения министерства внутренних дел.

По этой теме были изданы две его работы: «Исследование о скопческой ереси» (1845), изданное в ограниченном количестве экземпляров для служебного пользования²⁰, и записка «О заграничных раскольниках» (о раскольниках, поселившихся в Пруссии, Австрии, Молдавии, Валахии и Турции)²¹. В первой записке собраны обширные общеисторические сведения о расколе; Надеждин также обработал и ввел в научный оборот русские материалы о раскольниках, накопившиеся в министерстве внутренних дел в результате полицейских расследований. Записка о зарубежных раскольниках появилась в результате поездки Н. И. Надеждина к австрийским «липованам», среди которых он прожил почти шесть месяцев и, между прочим, успел завоевать их доверие. Записка эта содержала весьма интересные сведения о поселениях русских раскольников за рубежом и характеризовалась весьма глубоким проникновением в предмет изучения. Вместе с тем, взгляд Надеждина на раскол, изложенный в последней записке, выражал особую враждебность и нетерпимость к этому явлению и полностью совпадал с официальной точкой зрения. Его замечания об этом предмете были особенно тонки и язвительны, поскольку подкреплялись силой его литературного и научного таланта. Впрочем, сейчас едва ли возможно с уверенностью ответить на вопрос, каковы были взгляды Надеждина на раскол в действительности, и насколько искренне он разделял господствующее мнение.

Отвлекаясь от этой стороны в деятельности Н. И. Надеждина, несущей на себе печать эпохи, отметим его огромный научный авторитет и обратимся к оценке его вклада в теоретическое обоснование этнографической науки. В начале научной карьеры Надеждина этнография в России находилась в зачаточном состоянии. По словам А. Н. Пыпина, отдельные издания и этнографические труды той поры «были чисто собирательные, а теория, которая к ним более или менее подкладывалась, была случайная, более угадываемая, чем доказанная»²². Именно Надеждин первым сумел обосновать право этнографии на роль самостоятельной науки и обозначил ее место в системе человеческого знания. Он посвятил себя созданию этой науки, выработке ее теоретических основ, определил ее объем, основные приемы, указал значение этнографического материала. Безусловно, Н. И. Надеждин был одним из тех ученых-теоретиков, чьи разработки вывели отечественную этнографию 40—50-х гг. XIX в. на одно из первых мест в мире.

Публикуемый ниже доклад «Об этнографическом изучении народности русской»²³ был прочитан Н. И. Надеждиным на первом годовом собрании РГО (ноябрь 1846 г.). В нем ученый указал теоретический объем этнографии с невиданной до него широтой, настаивал на первоочередной необходимости изучения этнографии русского народа.

Примечания

¹ См.: Баженова А. А. Н. И. Надеждин // История философии в СССР. Т. 2. Гл. 14. М., 1968; Иовчук М. Т. Основные этапы развития русской философии // Из истории русской философии. М., 1951; Каменский З. А. Курс логики Н. И. Надеждина в Московском университете // Философские науки. 1979. № 4; его же. Московский кружок Любомудров. М., 1980; Коган Л. А. Из преддистории гегельянства в России // Гегель и философия в России. М., 1974.

² В рамках настоящей заметки не представляется возможным дать сколько-нибудь полный обзор всех исследований, посвященных Надеждину, поэтому остановимся лишь на некоторых из них. Первым к эстетическим и философским воззрениям Н. И. Надеждина обратился Н. Г. Чернышевский (*Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы*. М., 1953). В советское время, начиная с 1920-х гг., появился целый ряд публикаций, посвященных анализу эстетических взглядов Н. И. Надеждина (см., Коган Л. А. Н. И. Надеждин // Очерки по истории русской критики. Под ред. А. Луначарского и Вал. Полянского. М.; Л., 1929; Кийко Е. И. Н. И. Надеждин // История русской критики. Т. 1. Л., 1958; Манн Ю. В. Н. И. Надеждин // Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964; Кулешов В. И. История русской критики. М., 1972; Каменский З. А. Курс эстетики Н. И. Надеждина в Московском университете // Философские науки. 1981. № 2). Особо хочется выделить и по полноте собранного материала, и в концептуальном плане

монографию З. А. Каменского (*Каменский З. А.* Н. И. Надеждин. Очерк философских и эстетических взглядов (1828—1836). М., 1984).

³ *Савельев П. И.* Вступление и примечания к «Автобиографии Надеждина»//Русский вестник. 1858. N 3.

⁴ *Срезневский И.* Воспоминания о Н. И. Надеждине//Вестник Императорского Рус. Географич. о-ва. 1856. Кн. 1.

⁵ См.: Справочный словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20. СПб., 1897; Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 2-е. Т. 29. Пг., б/г; Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. Ч. 2. М., 1855.

⁶ *Пыпин А. Н.* Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПб., 1878; *его же.* Н. И. Надеждин//Вестник Европы. 1882. Кн. 6; *его же.* История русской этнографии. Т. I. СПб., 1897.

⁷ *Пыпин А. Н.* История ... Т. I. С. 274.

⁸ *Надеждин Н. И.* О происхождении, существовании и падении итальянских торговых поселений в Таврополе//Вестник Европы. 1828. N 15—19.

⁹ Цит. по: Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 93.

¹⁰ Там же. С. 95.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Например, историко-этнографические статьи «Великая Россия», «Венеды», «Винды», «Весь», «Вогуличи» (см.: *Токарев С. А.* История русской этнографии. М., 1966. С. 268).

¹³ *Надеждин Н. И.* Об исторических трудах в России//Библиотека для чтения. Т. XX. 1837. С. 111—136; *его же.* Об исторической истине и достоверности//Там же. С. 137—174.

¹⁴ Двадцатипятилетие Императорского Русского Географического Общества. 13 января 1871 г. СПб., 1872. С. 49.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. Вып. I. М., 1855.

¹⁷ См.: Вестник РГО. 1853. Ч. VII. Отдел IX. Приложение. С. 2—6. В целом работа была напечатана уже после смерти Н. И. Надеждина в «Русской беседе» за 1857 г.

¹⁸ *Токарев С. А.* Указ. раб. С. 269.

¹⁹ *Пыпин А. Н.* История... Т. I. С. 272.

²⁰ *Надеждин Н. И.* Исследование о скопческой ереси//Сборник правительственных сведений о раскольниках. Сост. В. Кельсиев. Вып. III. Лондон, 1862.

²¹ *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках//Сборник правительственных сведений о раскольниках. Сост. В. Кельсиев. Вып. I. Лондон, 1860.

²² *Пыпин А. Н.* История... Т. I. С. 273—274.

²³ *Надеждин Н. И.* Об этнографическом изучении народности русской//Записки РГО. Кн. 2. СПб., 1847. С. 61—115.

© 1994 г., ЭО, № 1

Н. И. Надеждин*

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ НАРОДНОСТИ РУССКОЙ (Часть I)

Милостивые Государи!

По первым строкам нашего Устава и по самому наименованию нашего Общества, главным предметом занятий наших должна быть Россия. Такое патриотическое сосредоточение нашей деятельности на великом нашем Отечестве, смею думать, продолжится до своего естественного, законного последствия, если я позволю себе присовокупить теперь: что — следовательно — в России, которая в настоящем величии своем, сама есть целый огромный мир, главным предметом внимания нашего должно быть то, что именно делает Россию Россию; т. е. — «человек Русский!». Разумею: совокупность отличительных черт, теней и оттенков, усложняющих особую, самообразную бытность

* Доклад прочитан на годовом собрании Русского Географического Общества 29 ноября 1846 г. и перепечатан из «Записок Русского Географического общества». Кн. 2. СПб., 1847. С. 61 — 115.—
Прим. ред.